

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Гасановой Замины Низам кызы
«Ток-шоу «Модный приговор»: формульные реализации судебного дискурса
и его речевые преобразования» (СПб., 2018),
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 — русский язык

Изучение моделей речевого поведения в различных типах дискурса, несмотря на значительное количество соответствующих исследований, сохраняет актуальность в силу едва ли не бесконечного разнообразия дискурсивных ситуаций, комбинаций факторов, детерминирующих речевое поведение и, следовательно, обусловленных ими моделей. Особый же интерес в этом плане представляют ситуации, в основе которых лежит совмещение принципиально различных дискурсивных прототипов, не имеющих генетически ничего общего, кроме базового социально-коммуникативного начала, объединяющего все модусы функционирования языка. Именно такова сложная ситуация, избранная в данном случае в качестве объекта изучения: передача «Модный приговор» (далее — «МП»), с одной стороны, представляет собой нешуточную игру в суд с целым рядом соответствующих атрибутов (система ролей участников, набор обязательных сюжетно-жанровых компонентов), то есть реализацию одного из видов институционального дискурса, с другой стороны, является так называемым ток-шоу, то есть жанром масс-медиа с целым рядом соответствующих признаков, согласование которых с константами институционального судебного дискурса отнюдь не очевидно. Даже поверхностные предварительные наблюдения показывают, что на протяжении каждого выпуска передачи ее основные участники постоянно балансируют на грани серьезного судебного разбирательства — и веселой игры в судопроизводство, публичной лекции — и сеанса психотерапии с проникновением в самые интимные сферы, и всё это — на субстрате масс-медийного действия с присущими ему пропагандистскими и дидактическими задачами, разнородностью и неопределенной множественностью адресата и проч. Разнообразие (вплоть до взаимоисключающего характера) этих факторов ведет к возникновению уникальных моделей речевого поведения, представляющих собой, как точно определено в названии диссертации, речевые преобразования формул судебного дискурса. Подобные сложнейшие явления до сих пор специальному изучению не подвергались, поэтому **актуальность** выбора темы и объекта изучения, а также постановки проблемы **представляется несомненной**.

В работе поставлена **цель** выявить определяемые всеми названными выше факторами «универсальные и индивидуальные речеповеденческие модели и реализуемые ведущими коммуникативные стратегии» (с. 7). Цель конкретизирована в ряде **задач**, включающих, в частности:

— установление категориальных и типологических характеристик судебного процесса, нацеленное на выявление «речевых стереотипов, характерных для его речевых норм и правил в рамках используемых первичных жанров»;

— определение «жанровых характеристик и коммуникативных параметров ток-шоу «Модный приговор» как явления, строящегося по модели судебного дискурса, но функционирующего в СМИ»;

— определение функций ведущих, а также стратегии и тактики их речевого поведения, вплоть до выявления «основных речевых формул обвинения и защиты» (с. 7–8).

Можно с удовлетворением констатировать, что эти задачи решены и цель исследования достигнута. Подтвердим эту констатацию разбором положений, которые в качестве итогов исследования вынесены соискателем на защиту.

Первое положение содержит характеристику речевой организации «МП»: она интердискурсивна (соединение судебного и медиадискурсов), из чего вытекают такие

коммуникативные параметры, как «наличие судебной терминологии и клише», «присутствие малых жанров судебного дискурса», соответствующее построение нарратива (вообще говоря, далеко не во всех случаях можно говорить о нарративе в строгом значении этого термина, но прецедентов его употребления в расширительном смысле более чем достаточно, поэтому упрекать автора в данном случае излишне), «многократная адресация» и др. (с. 10). Ни одна из составляющих данного положения не вызывает сомнений не только в силу очевидности, но и в силу обоснованности соответствующими исследовательскими действиями соискателя (как аналитического, так и реферирующе-обобщающего характера), отраженными в первой и второй главах диссертации.

Второе положение утверждает тот — тоже, в общем-то, очевидный — факт, что специфика речевого поведения ведущего и двух соведущих «МП» определяется двойственной природой самого шоу: у каждого из них своя строго определенная роль как неперемного участника судебного разбирательства, и в то же время каждый является служителем медиасферы, требующей широкого варьирования речевого компонента шоу. Автор особо отмечает, что создателям передачи крупно повезло, поскольку приглашения на роли судьи и обвинителя оказались на редкость удачными: в итоге в «МП» проявляются «яркие индивидуальные качества участников», что сформировало уникальные типы речевого поведения (Там же). Заметим, что формирование этих ярких типов отнюдь не было предопределено двойственной природой шоу: решающую роль здесь играет, без сомнения, яркость и богатство соответствующих языковых личностей. Но в чем автор безусловно прав — так это в том, что двойственная природа шоу создала максимально благоприятные условия для того, чтобы эти яркость и богатство раскрылись в полной мере.

Данное положение полностью обосновано материалами третьей и четвертой глав диссертации. Правда, обращает на себя внимание оценочная щедрость автора: формулировка «яркие индивидуальные качества участников» адресуется в работе всем трем постоянным фигурантам передачи, что, с одной стороны, справедливо, но, с другой стороны, имплицитно представляет и о равной качественной определенности всех трех соответствующих типов речевого поведения. Между тем эта качественная определенность и завершенность свойственны трем речевым образам (судьи, обвинителя и защитника) отнюдь не в равной мере.

Наиболее последовательно придерживается рамок заданного амплуа Э. Хромченко: ее речевые партии строятся из реплик и развернутых монологических высказываний (иногда сближающихся с лекцией), прямо отвечающих роли эксперта / обвинителя. Высказываний на другие темы в ее речевых партиях практически не встречается; возможно, это и послужило диссертанту основанием для того, чтобы обозначить тип речевого поведения Э. Хромченко словом «профессионал». Не случайно, думается, и § 4.1, посвященный речевому поведению обвинителя, оказывается самым удачным во всей диссертации — стройным, целостным, аналитичным.

В речевом поведении А. Васильева совмещаются функции ведущего шоу, судьи и эксперта в сфере моды — с вытекающим отсюда отсутствием тематического и функционального единства речевой партии. Однако акт наименования его роли словом «художник» в соотнесении с именованной ролью Э. Хромченко выглядит в некотором смысле дискриминационным. Ведь профессионализм судьи в данном случае несколько не ниже профессионализма обвинителя, и если этот признак положен в основу идентификатора роли обвинителя, то непонятно, почему роли судьи в таком идентификаторе отказано; кроме того, так и остается неясным, что послужило основанием для выбора лестного, но никак не связанного ни с основной профессией А. Васильева, ни с его ролью в шоу идентификатора «художник».

Что же касается защитника, то его типу речевого поведения повезло больше всех. Выбор идентификатора «народная стихия» обусловлен, по-видимому, исключительно

манерой поведения, в том числе и речевого, Н. Бабкиной — и связан с ее ролью в процессе еще меньше, чем в случае А. Васильева. Представляется, однако, что в присвоении данной роли такого идентификатора многовато чести для исполнителя этой роли, поскольку словосочетание «народная стихия» неизбежно вызывает ассоциации с крупнейшими событиями российской истории, а масштабы явлений несопоставимы.

Впрочем, данное замечание не носит принципиального характера, поскольку обсуждаемые наименования ролей условны и не обязаны опираться на единое классификационное основание, а оценки речевого поведения постоянных участников «МП» субъективны.

Третье положение суммирует тонкие наблюдения диссертанта над семантическими сдвигами, которые претерпевают языковые средства при функционировании в столь сложном поликодовом дискурсе, каким является «МП». Нельзя не согласиться с автором в том, что эти средства, и прежде всего элементы лексико-семантической группы «одежда», приобретают весомые прагматические наращения и участвуют в создании облика «человека — объекта речи, сообщая о его образе жизни и ценностных установках», а также «характеризуют говорящего в аспекте профессионализма, этики и языкового творчества» (с. 10–11).

Четвертое положение — об антропоцентричности функционала моды (с. 11) — представляется ценным прежде всего в силу весьма полезной семантизации понятия *функционал моды*. Думается, что это понятие, вместе с его авторской трактовкой, опирающейся на тщательный содержательный анализ материала, будет в дальнейшем использоваться всеми отраслями лингвистики, соприкасающимися с категорией моды.

Пятое положение вполне убедительно мотивирует появление языковых средств как с пейоративным, так и с мейоративным компонентом в ситуациях накала страстей, нередких в «МП». Приводимые при этом перечни средств обеих групп опираются на анализ материала в гл. 4.

Шестое положение раскрывает стратегию защиты, которая опирается на «тактики, фокусирующиеся на... истце, на компенсаторной функции природных качеств обвиняемой и коррекции мировоззрения адресата» (с. 11). Эти утверждения мотивированы анализом речевого поведения защитника в § 4.2.

Седьмое и восьмое положения (которые, как представляется, можно было бы объединить в более компактной формулировке) констатируют верность известных утверждений о проникновении элементов неcodифицированной речи во многие сферы функционирования литературного языка, в данном случае — в дискурс моды. Эти положения также опираются на наблюдения диссертанта, наиболее сконцентрированные в третьей и четвертой главах работы. Думается, впрочем, что причина фиксации многочисленных элементов неcodифицированного языка в обследованном автором материале кроется не в особенностях дискурса моды, а в специфике речи в СМИ, в частности — в особенностях жанра рассматриваемого ток-шоу.

Обзор вынесенных на защиту положений показывает, что все они корректно обоснованы материалом диссертации и принципиальных возражений не вызывают. В совокупности эти положения представляют собой решение задач, поставленных перед собой диссертантом, и позволяют судить о том, что **цель исследования достигнута**.

С формулировками, характеризующими **теоретическую значимость, научную новизну и практическую значимость** работы (с. 8–9), можно согласиться: они корректны и точно соотносятся с содержанием работы.

Что же касается неизбежных замечаний, то они могут быть сведены к следующим.

1. Судя по названиям §§ 1.3.1 «Основные характеристики речевого поведения участников судебного разбирательства», 1.3.2 «Речевое поведение прокурора», 1.3.3 «Речевое поведение адвоката» и 1.3.4 «Речевое поведение судьи», они нацелены на решение 2-й и 3-й задач исследования: «установить категориальные характеристики судебного процесса и их лингвистическую сущность, выявив речевые стереотипы,

характерные для его речевых норм и правил в рамках используемых первичных жанров»; «уточнить типологическую характеристику судебного процесса с позиций речевого поведения его участников» (с. 7). Представляется, что существенную (если не главную) роль в данном случае должно сыграть «выявление речевых стереотипов»: ведь именно это понятие наиболее близко соответствует вынесенному в заглавие работы словосочетанию «формульные реализации судебного дискурса». Однако именно речевых стереотипов — если под ними понимать присущие судебному дискурсу клише, обязательные ритуальные формулы, типичные модели высказываний и т.п. — в указанных параграфах читатель не находит. Довольно много сказано в плане общих характеристик речевого поведения основных участников судебного процесса, но вместо главного — речевых стереотипов — читателю неожиданно предлагается соотнесение сообщаемых характеристик с речевым поведением ведущих ток-шоу «МП», хотя ему в диссертации отведено особое место — вся четвертая глава работы. В итоге исследователь лишает свой анализ важнейшей опоры и, например, при характеристике речевого поведения обвинителя в «МП» (с. 116–118) попросту проходит мимо того очевидного факта, что сущность акта предъявления обвинения в подлинном судебном заседании и в ток-шоу принципиально различна: если в суде обвинитель по должности в буквальном смысле олицетворяет государственный надзор за законностью и предъявляет обвинение от своего лица (= от лица государства), то в ток-шоу «МП» обвинитель лишь транслирует претензии истца. В «настоящем» суде несовпадение личного мнения обвинителя с содержанием обвинения исключено, в «модном» же — вполне вероятно.

2. В ряде случаев оставляют желать лучшего логика изложения и способ употребления общепринятых понятий. Например, на с. 40 сообщается: «В основе обвинительной речи лежит умение прокурора пользоваться риторическими приемами». Это утверждение несколько неожиданно, но было бы, вероятно, допустимым, если бы выше на этой же странице не сообщалось, что «основа речи прокурора — система неопровержимых доказательств (систематизированность конкретных фактов)» (со ссылкой на работу М. И. Еникеева). Впрочем, и тезис о сосуществовании в основе речи прокурора системы доказательств и риторических умений был бы приемлем, если бы автор хоть как-то обосновал такое видение основы речи прокурора. Впрочем, даже если бы и не обосновал, но хотя бы раскрыл утверждение касательно владения риторическими приемами, было бы лучше, чем так, как есть в тексте. А в тексте ни слова о риторических приемах ни до цитированного утверждения, ни после него — нет. Есть ссылка на А. Ф. Кони, указывающего на необходимость уметь пользоваться гибкостью и богатством языка, но она не служит раскрытию тезиса о риторических приемах.

Другой пример. На с. 42 автор пишет: «Таким образом, речь прокурора не просто должна быть направлена на строгое изложение материалов дела, она должна быть экспрессивной, эмоциональной, богатой для того, чтобы цель обвинения была достигнута». Вводное *таким образом* однозначно указывает на то, что в данном высказывании подытоживается сказанное выше. Между тем выше приведена структура (композиция) речи прокурора (по работе М. И. Еникеева), в которой абсолютно никаких указаний на экспрессивность, эмоциональность и богатство не содержится и содержаться не могло. Откуда же берется столь неожиданное обобщение?

Еще один подобный пример. На с. 47, в параграфе, посвященном речевому поведению судьи в «настоящем» суде, читаем: «В целом же, с точки зрения грамматики, отметим, что, к примеру, синтаксическое оформление речи судей варьируется в зависимости от ситуации взаимодействия и жанра речи судьи». Выражение *в целом же* указывает на возвращение от деталей к общей характеристике предмета. Но выше ни о каких грамматических особенностях речи судьи не говорилось ни слова (как и ниже). Выражение *к примеру*, в противоположность выражению *в целом*, вводит операцию экзemplификации, которая несовместима с операцией обобщения. Экзemplификация может непосредственно следовать за обобщением, если изложение построено по

дедуктивному принципу, но в рассматриваемой фразе никакого обобщения в вводном к *примеру* не предшествует. Сосуществование этих выражений в одном высказывании выглядит алогично.

Что же касается употребления общепринятых понятий, то приведем лишь один из возможных примеров. На с. 99 читаем: «Характер коммуникации между адресантом и адресатом в ток-шоу «МП» носит **официальный характер**, что явствует, во-первых, из формы обращения к подсудимой: «*Екатерина, Вы выглядите замечательно! Вам самой понравилось?*», во-вторых, повелительное наклонение глагола и этикетные формулы сигнализируют об этом: «*Надя, вот Вы мечтаете о 28-летнем поклоннике, будущем отце ваших детей. Скажите, пожалуйста, а почему Вы искренне уверены, что именно этот образ привлечет этого 28-летнего отца будущего?*»».

Приведенные автором примеры убеждают в том, что он смешивает понятия вежливости и официальности. Никаких обращений вроде *Надя* (да и *Екатерина*, если отвлечься от манеры современных менеджеров не пользоваться отчествами) официальный характер общения не допускает. Явные оценочные суждения с выраженным эмоциональным компонентом, прямые вопросы о восприятии чего-либо адресатом, причем в форме общего (да-нет-) вопроса, — признаки как раз неофициального характера коммуникации. Выделенные же автором элементы (обращение на *Вы*, употребление междометия *пожалуйста*) свидетельствуют лишь о вежливости.

3. Оставляет желать лучшего язык, которым написана диссертация. Приведенный только что пример («Характер... носит официальный характер») — лишь один из возможных, которыми текст работы изобилует.

Автор сильно увлекается парцелляцией (ср. на с. 27: «Итак, выбор языковых средств зависит также от коммуникативной ситуации. И умение в соответствии с ситуацией правильно моделировать коммуникативное поведение (и речевое и не речевое) и менять его в связи с меной ситуации — важный компонент коммуникативной компетенции личности»; количество примеров легко умножить). Парцелляция допустима в научном стиле, но в самых крайних случаях, нормой же научного текста она быть не может.

Еще одна подобная «норма» рассматриваемого текста — союз-частица *А* в начале самостоятельного высказывания, ср.: «При этом стратегия признаётся понятием «высшего уровня коммуникативной иерархии, наиболее общим по отношению к другим» [Чернявская 2006: 45]. А тактика и коммуникативный ход и шаг ей подчинены и работают на ее реализацию» (с. 33).

Не вполне безобиден и недочет в построении следующей фразы: «мода для Э. Хромченко — способ проявить свое существо, которое априори, по ее мнению, прекрасно» (с. 93). Понятно, что автор имел в виду проявление существа женщины вообще, но получилась характеристика только одной из них, причем не очень лестная.

Наконец, не могут улучшить впечатление от работы явные ошибки в передаче расшифрованной речи участников передачи, ср.: «*Сегодня 14 декабря, и все мы отмечаем День рождение выдающегося отечественного модельера Надежды Петровны Ламоновой*» (с. 97).

Обо всех этих недочетах не стоило бы и упоминать, если бы они не были многочисленны.

Указанные недостатки несколько снижают общее впечатление от работы З. Н. к. Гасановой, но они, безусловно, не могут перевесить бесспорные достоинства диссертации.

Наконец, нужно констатировать, что Автореферат и опубликованные работы с достаточной полнотой отражают содержание проведенного автором исследования.

Всё сказанное позволяет сделать следующий вывод. Диссертация З. Н. к. Гасановой «Ток-шоу «Модный приговор»: формульные реализации судебного дискурса и его речевые преобразования» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития

коммуникативной лингвистики, теории дискурса и ряда смежных дисциплин. Диссертация полностью соответствует критериям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. постановления Правительства от 21.04.2016 № 335); ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена

Дымарский Михаил Яковлевич

Докторская диссертация по специальности
Кандидатская диссертация по специальности

10.02.01 — русский язык;
10.02.01 — русский язык.

191186, Санкт-Петербург,
наб. реки Мойки, 48;
(812) 643-77-67*45-36;
kafedral2009@yandex.ru

30 мая 2018 г.

«Подпись руки М.И. Дымарского»

Начальник управления организации
диссертационных исследований и
аттестации кадров высшей
квалификации

А.А. Лактионов